

Федор Михайлович Достоевский

Преступление и наказание

(контрапункт романа в двух действиях в инсценировке Тимофея Ильевского)

*Человек не рождается для счастья.
Человек заслуживает своё счастье, и всегда страданием.
(ПСС, том 7, страница 155)*

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

РАСКОЛЬНИКОВ РОДИОН РОМАНЫЧ
СТАРУХА-ПРОЦЕНЩИЦА
ЛИЗАВЕТА
МАРМЕЛАДОВ СЕМЕН ЗАХАРЫЧ
МАРМЕЛАДОВА КАТЕРИНА ИВАНОВНА
СОНЯ МАРМЕЛАДОВА
ПОРФИРИЙ ПЕТРОВИЧ
АВДОТЬЯ РАСКОЛЬНИКОВА
СВИДРИГАЙЛОВ АРКАДИЙ ИВАНЫЧ
ПОЛИЦЕЙСКИЙ

ЭПИЗОДИЧЕСКИЕ: НИКОЛАЙ, ТОЧИЛЬЩИК, ДВОРНИК, ХОЗЯИН ТРАКТИРА,
СТУДЕНТ, ОФИЦЕР, НЕЗНАКОМЕЦ, УТОПЛЕННИЦА,
КУЧЕР, ХОЗЯЙКА-НЕМКА, ГОРОДОВОЙ, ПЕВИЧКА,
ЮРОДИВЫЙ.

А ТАКЖЕ: СОСЕДИ МАРМЕЛАДОВЫХ, ПОСЕТИТЕЛИ ТРАКТИРА,
ГОСТИ НА ПОМИНКАХ, ПРОХОЖИЕ И ЗЕВАКИ.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ.

На авансцене точильщик долго стучит в железную миску... Из глубины появляются люди с ножницами и ножами. Крутится точильный круг, разлетаются искры. На аръерсцене становится различима фигура в надвинутой на самые брови шляпе. Последним к точильщику подходит дворник с топором. Человек в глубине пристально следит за работой. Раздаётся громкий пьяный окрик: «Эй ты, немецкий шляпник!» Резко появившийся свет выхватывает из темноты контуры горожан, развеивающих бельё, орущих пьяные песни, неистово крестящихся на невидимые купола, отжимающих грязные половые тряпки, рубящих дрова... Стук топоров заполняет пространство. Раскольников срывает с головы шляпу и, пряча её за пазухой, бросается к высокой лестнице. Сверху бесконечным потоком спускаются какие-то безликие люди, толкая пробивающегося наверх человека. Брякает колокольчик на маленькой двери под самым чердаком, дверь открывается и Раскольников скрывается за нею. Шум резко стихает. Действие переносится в комнату Старухи.

1. СТАРУХА.

РАСКОЛЬНИКОВ. Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц.

СТАРУХА. Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были. Что угодно?

РАСКОЛЬНИКОВ. Заклад принес, вот-с! *(Вынимает из кармана старые серебряные часы.)*

Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовские. Я скоро деньги получу.

СТАРУХА. Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.

РАСКОЛЬНИКОВ. Полтора рубля!

СТАРУХА. Ваша воля. *(Протягивает ему обратно часы.)*

РАСКОЛЬНИКОВ. Давайте! *(Старуха уходит и возвращается с деньгами.)* Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще одну вещь принесу... серебряную... хорошую... папиросочницу одну...

СТАРУХА. Ну тогда и будем говорить, батюшка.

РАСКОЛЬНИКОВ. Прощайте-с... А вы все дома одни сидите, сестрицы-то нет?

СТАРУХА. А вам какое до нее, батюшка, дело?

РАСКОЛЬНИКОВ. Да ничего особенного. Я так спросил...

Пространство вновь наполняется шумом огромного города. Раскольников спускается с лестницы и останавливается у входа в подвальный этаж. Снизу, друг друга поддерживая и ругая, взбираются двое пьяных. Посмотрев им вслед, студент шагает вниз. Действие переносится в кабак.

2. МАРМЕЛАДОВ.

Лица завсегдатаев распивочной теряются в тени, освещены лишь руки, держащие кружки с пивом, да рюмки с водкой. Прохаживается хозяин заведения в белом переднике. Баба грязной тряпкой вытирает то мокрый пол, то залитые столы. Весь дальнейший разговор перемежается пьяным пением, грубыми разборками посетителей, нытьём попрошайек...

МАРМЕЛАДОВ. А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным? Мармеладов - такая фамилия; титулярный советник. Осмелюсь узнать, служили ли изволили?

РАСКОЛЬНИКОВ. Нет, учусь.

МАРМЕЛАДОВ. Студент, стало быть! Так я и думал!... *(Выпивает.)* Милостивый государь, бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель. Но нищета, милостивый государь, нищета - порок-с... Позвольте еще вас спросить, изволили вы ночевать на Неве, на сенных барках?

РАСКОЛЬНИКОВ. Нет, не случилось.

МАРМЕЛАДОВ. Ну-с, а я оттуда, и уже пятую ночь-с...

ХОЗЯИН. А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?

МАРМЕЛАДОВ *(Раскольникову)*. Для чего я не служу, милостивый государь, для чего не служу?

Пьяное пение.

МАРМЕЛАДОВ. Ну-с, я пусть свинья, а она дама! Я звериный образ имею, а Катерина Ивановна, супруга моя, - особа образованная и урожденная штаб-офицерская дочь... Но несправедливая...

Пьяное пение.

МАРМЕЛАДОВ. Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ее пропил? Косыночку ее из козьего пуха тоже пропил, дареную... А живем мы в холодном угле, и она в эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью. Детей же маленьких у нас трое, и Катерина Ивановна в работе с утра до ночи скребет и моет и детей обмывает... Не веселья, а единой скорби ищущ... Пью, ибо сугубо страдать хочу! Молодой человек, в лице вашем я читаю как бы некую скорбь. Как вошли, и прочел ее, а потому тотчас же и обратился к вам. Чувствительного и образованного человека ищущ. Знайте же, что супруга моя в благородном губернском дворянском институте воспитывалась и при выпуске с шалью танцевала при губернаторе и при прочих лицах, за что золотую медаль и похвальный лист получила. Медаль... ну медаль-то продали... уж давно... гм... похвальный лист до сих пор у них в сундуке лежит...

Пьяное пение.

МАРМЕЛАДОВ. Вдовой уже взял ее, с троими детьми, мал мала меньше... Я тоже вдовец, и от первой жены четырнадцатилетнюю дочь имею. До какой степени ее бедствия доходили, что она, образованная и воспитанная и фамилии известной, за меня согласилась пойти! Но пошла! Плача и рыдая и руки ломая - пошла! Ибо некуда было идти. Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? Нет! Этого вы еще не понимаете...

Пьяное пение.

МАРМЕЛАДОВ. Полтора года уже будет назад, как очутились мы наконец, после странствий и многочисленных бедствий, в сей великолепной столице. И здесь я место достал... Достал и опять потерял. Понимаете-с?

Пьяное пение.

МАРМЕЛАДОВ. И что только вытерпела она, дочка моя, от мачехи своей, возрастая, о том я умалчиваю... Воспитания, как и представить можете, Соня не получила, а много ли может, по-вашему, бедная, но честная девица честным трудом заработать? Пятнадцать копеек в день, сударь, не заработает, если честна... А тут Катерина Ивановна, руки ломая, по комнате ходит: "Живешь, дескать, ты, дармоедка, у нас, ешь и пьешь и теплом пользуешься", а что тут пьешь и ешь, когда и ребятишки-то по три дня корки не видят! Лежал я тогда... пьяненькой-с, и слышу, говорит моя Соня: "Что ж, Катерина Ивановна, неужели же мне на такое дело пойти?" "А что ж, - отвечает Катерина Ивановна, в пересмешку, - чего беречь? Эко сокровище!" Но не вините, не вините, милостивый государь, не вините! Не в здравом рассудке сие сказано было, а при взволнованных чувствах, в болезни и при плаче детей не евших... И вижу я, эдак часу в шестом, Сонечка встала, надела платочек и с квартиры отправилась, а в девятом часу и назад обратно пришла. Пришла, и прямо к Катерине Ивановне, и на стол перед ней тридцать целковых молча выложила. Ни словечка при этом не вымолвила, а взяла только большой платок, накрыла им совсем голову и лицо и легла на кровать, лицом к стенке, только плечики да тело все вздрагивают... А я, как и давеча, в том же виде лежал-с... А Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла к Сонечкиной постельке и весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги ей целовала, встать не хотела, а потом так обе и заснули вместе, обнявшись... обе... обе... да-с... а я... лежал пьяненькой-с. (Выпивает.) И заходит к нам Сонечка теперь более в сумерки, и Катерину Ивановну облегчает, и средства посильные доставляет. Живет же на квартире.

Пьяное пение.

МАРМЕЛАДОВ. Его превосходительство Ивана Афанасьевича изволите знать?... Даже прослезилась, изволив все выслушать. "Ну, говорит, Мармеладов, беру тебя еще раз на личную свою ответственность... Воротился домой, и как объявил, что на службу опять зачислен и жалование получаю, что тогда было!.. Точно я в царствие божие переселился. Бывало, лежи, как скот, только брань! А ныне: на цыпочках ходят, детей унимают: "Семен Захарыч на службе устал, отдыхает, тш!" Кофею меня перед службой поят, сливки кипятят!

Пьяное пение.

МАРМЕЛАДОВ. Ну-с, а на другой же день, после всех мечтаний к вечеру, я хитрым обманом похитил у Катерины Ивановны от сундука ее ключ, вынул что осталось из принесенного жалованья, и вот-с, глядите на меня, все! Пятый день из дома, и там меня ищут, и службе конец, и вицмундир в распивочной у Египетского моста лежит, и всему конец!

Пьяное пение.

МАРМЕЛАДОВ. А сегодня у Сони был, на похмелье ходил просить! Вот этот самый полуштоф-с на ее деньги и куплен. Тридцать копеек вынесла, своими руками, последние, все что было, сам видел... Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела... И пью-с! И уж пропил-с!.. Ну, кто же такого, как я, пожалеет? ась? Жаль вам теперь меня, сударь, аль нет? Говорите, сударь, жаль али нет?

ХОЗЯИН. Да чего тебя жалеть-то? *(Смех и ругательства посетителей.)*

МАРМЕЛАДОВ. Зачем жалеть, говоришь ты? Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! *(Вскакивает на ноги.)* Думаешь ли ты, продавец, что этот полуштоф твой мне в сласть пошел? Скорби, скорби искал я на дне его, скорби и слез, и вкусил, и обрел; а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия. *(Вскакивает на стол и воздевает руки к небу.)* Приидет ОН и спросит: "А где дочь, что мачехе злой и чахоточной, что детям чужим и малолетним себя предала? Где дочь, что отца своего земного,

пьяницу непотребного пожалела?" И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит... И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... *(Вещает, словно проповедник.)* "Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!" И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: "Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!" И прострет к нам руце свои, и мы припадем... и заплачем... и всё поймем! Тогда всё поймем!.. и все поймут... и Катерина Ивановна... и она поймет... Господи, да приидет царствие твое!

Несчастный неистово осеняет себя знаменiem божьим, бьёт поклоны блаженная баба-поломойка, пьяные бросают в Мармеладова объедки, передразнивают: «И прострёт к нам руце свои!», Хозяин толкает взашей оборванца-чиновника. Под свист и улюлюканье толпы Раскольников ведёт Мармеладова домой. Тот падает на колени перед женой.

МАРМЕЛАДОВА. А! Воротился! Колодник! Изверг!.. А где деньги? Что у тебя в кармане, показывай! И платье не то! где твое платье? где деньги? говори!.. *(Обыскивает мужа.)* Где же деньги? О господи, неужели же он все пропил! Ведь двенадцать целковых в сундуке оставалось!.. *(В бешенстве хватает Мармеладова за волосы и тащит домой.)*

МАРМЕЛАДОВ. И это мне в наслаждение! И это мне не в боль, а в на-слаж-дение, ми-ло-сти-вый го-су-дарь!

МАРМЕЛАДОВА. Пропил! Все, все пропил! И платье не то! Голодные, голодные! О, треклятая жизнь! *(Набрасывается на Раскольникова.)* А вам, вам не стыдно? Из кабака?! Ты с ним пил? Ты тоже с ним пил! Вон!

Раскольников поспешно уходит. Отовсюду выглядывают смеющиеся рожи в ермолках с папиросками, трубками. Молодой человек пытается прорваться через окружающие его помосты и столы, но ото всюду к нему тянутся руки нищих, проституток, блаженных... Церковный перезвон смешивается с криком Мармеладовой, топотом копыт, стуком точильщика, пьяным пением... Загнанный в угол Раскольников бросает в подвальное окно жменю медяков. Рука в белом нарукавнике подаёт ему рюмку водки. Раскольников залпом выпивает и, как подкошенный, падает в грязь на авансцене, проваливаясь в сон.

3. ЛОШАДЬ.

В изменившемся освещении на сцену из подвальных окон и дверей вываливается пьяная толпа мужиков и баб. Толпа с рогом разглядывает воображаемую клячу в центре сцены, к которой тянутся возжси. Хозяин лошадёнки зазывает собутыльников:

- Садись, все садись! Всех довезу, садись!
- Этака кляча да повезет!
- Да ты, Миколка, в уме, что ли: этаку кобыленку в таку телегу запрег!
- А ведь савраске-то беспрерменно лет двадцать уж будет, братцы!
- Садись, всех довезу! *(Хватается за возжси, запрыгивает на помост и становится во весь рост.)*
- Говорю садись! Вскачь пушу! Вскачь пойдет!
- Она вскачь-то уж десять лет, поди, не прыгала.
- Запрыгает!
- Не жалей, братцы, бери всяк кнуты, зготовляй!
- И то! Секи ее! *(Все лезут на помост хохотом и остротами.)*
- Пусти и меня, братцы! *(Лезет на помост и срывается вниз под хохот толпы.)*
- Садись! Все садись! Всех повезет. Засеку! *(С остервенением хлещет лошадь.)* Секи до смерти! - на то пошло. Засеку!
- Да что на тебе креста, что ли, нет, леший!
- Не трожь! Мое добро! Что хочу, то и делаю. Садись еще! Все садись! Хочу, чтобы беспрерменно вскачь пошла!..
- По морде ее, по глазам хлещи, по глазам!

- Песню, братцы! *(Раздается разгульная песня, брякает бубен, в припевах свист. Всё больше и больше народу хватается за тянущиеся со всех сторон к лошадёнке возжси и верёвки. Тянут, тянут в разные стороны, словно хотят разорвать несчастную.)*
- А чтобы те леший! *(Миколка хватает оглоблю и бросается на лошадку.)*
- Убьет!
- Мое добро! *(Тяжёлые удары по кляче.)*
- Секи ее, секи! Что стали!
- Живуча!
- Топором ее, чего! Покончить с ней разом!
- Эх, ешь те комары! Расступись! *(Миколка хватает топор и бросается на клячу.)* Моё добро!!!

С хрустом падает на лошадёнку топор. Обрубаются и исчезают куда-то возжси и верёвки, проваливаются в двери и окна люди... Одновременно с Миколкой, Дворник на переднем плане обрушивает свой топор на колоду. Раскольников вскакивает в поту и страхе, разбуженный то ли диким сном, то ли стуком топора... Он бросается к водосточной трубе, откуда постоянно течёт вода, и подставляет голову под струю... Затем встаёт, судорожно пересчитывает оставшиеся в кармане медяки и бросает их на стол-помост. Рука в белом нарукавнике подаёт стакан чая в подстаканнике.

Откуда-то из глубины по помосту движется Старуха, принимая из протянутых со всех сторон рук часы, ложки, шкатулки и бросает в ответ монеты. Во мраке угадывается сгорбленная над мокрой тряпкой фигура Лизаветы. Разозлённая каким-то спором из-за копейки Старуха бросается на свою сестру, хлещет ту мокрой тряпкой и под гогот толпы гонит на лестницу. Покорная Лизавета начинает драить кажущиеся бесконечными ступени. Бормоча ругательства и проклиная весь белый свет, Старуха крестится на невидимые купола и медленно бредёт по помосту... Раскольников пристально наблюдает за происходящим... Множество рук со стаканами, бокалами и рюмками появляются на помосте-столе вокруг...

4. ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР.

Раскольников со стаканом чая садится на стул посреди сцены. Вокруг него с киями в руках прохаживаются двое посетителей кабака: Студент и Офицер. Они играют в невидимый бильярд, иногда отхлёбывая из стаканов чай. Руки на помосте-столе отбивают белыми шарами каждый удар игровых.

СТУДЕНТ *(вослед Старухе)*. Славная она, у ней всегда можно денег достать. Богата как жид, может сразу пять тысяч выдать, а и рублевым залогом не брезгает. Наших много у ней перебивало. Только стерва ужасная... Злая, капризная, стоит только одним днем просрочить залог, и пропала вещь. Дает вчетверо меньше, чем стоит вещь, а процентов по пяти и даже по семи берет в месяц. У старухи есть сестра, Лизавета, которую она бьет поминутно и держит в совершенном порабощении, как маленького ребенка.

ОФИЦЕР. Вот ведь тоже феномен!

СТУДЕНТ. Лизавета - младшая, сводная сестра старухи. Старуха же уже сделала свое завещание. Лизавете по завещанию не достанется ни гроша, деньги же все назначались в один монастырь, на вечный помин души. Нет, вот что я тебе скажу. Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, что без всякого зазору совести. *(Офицер громко хохочет, Раскольников вздрагивает.)* Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. Понимаешь? Понимаешь?

ОФИЦЕР. Ну, понимаю.

СТУДЕНТ. Слушай дальше. С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь - тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен. Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому

что старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает: она намеренно Лизавете палец со зла укусила; чуть-чуть не отрезали!

ОФИЦЕР. Конечно, она недостойна жить, но ведь тут природа.

СТУДЕНТ. Эх, брат, да ведь природу поправляют и направляют, а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках. Без этого ни одного бы великого человека не было...

ОФИЦЕР. Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?

СТУДЕНТ. Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

Последний удар кия сопровождается стуком топоров. Раскольников подходит к лестнице, смотрит то ли на Лизавету, то ли на старухину дверь. Рядом появляются тени мужчины и женщины. Раскольников отходит в сторону.

МУЖЩИНА. Вы бы, Лизавета Ивановна, и порешили самолично. Приходите-тко завтра, часу в семом-с. И те придут.

ЛИЗАВЕТА. Завтра?

ЖЕНЩИНА. Эх ведь вам Алена-то Ивановна страху задала! Посмотрю я на вас, совсем-то вы как ребенок малый. И сестра она вам не родная, а сведенная, а вот какую волю взяла.

МУЖЧИНА. Да вы на сей раз Алене Ивановне ничего не говорите-с, вот мой совет-с, а зайдите к нам не просясь. Оно дело выгодное-с. Потом и сестрица сами могут сообразить.

ЛИЗАВЕТА. Аль зайти?

МУЖЧИНА. В семом часу, завтра; и от тех придут-с; самолично и порешите-с.

ЖЕНЩИНА. И самоварчик поставим.

ЛИЗАВЕТА. Хорошо, приду.

Лизавета уходит вверх. Раскольников провожает ее взглядом. Шум города стихает, слышны лишь звуки падающих капель. Раскольников уходит в глубину, садится на кровать. Долго и монотонно скрипит кроватьная сетка... Долго и монотонно звякает ложка в стакане... С лестницы долго спускается Лизавета и скрывается в глубине... Где-то бьют часы... Раскольников срывается с кровати, лихорадочно делает петлю для топора, заматывает фальшивый заклад, хватая торчащий в колоде под лестницей топор, бежит вверх по лестнице и замирает у маленькой двери... Звонит колокольчик... Тишина... Звонит второй раз... Тишина... Звонит третий... Дверь открывается и действий перемещается в старухину комнату.

5. УБИЙСТВО.

РАСКОЛЬНИКОВ (едва ли не силой открывая дверь). Здравствуйте, Алена Ивановна. Я вам ...вещь принес...да вот лучше пойдёмте сюда...к свету...

СТАРУХА. Господи! Да чего вам?... Кто такой? Что вам угодно?

РАСКОЛЬНИКОВ. Помилуйте, Алена Ивановна...знакомый ваш... Раскольников... Вот, заклад принёс, что обещал намеренно... Да что вы так смотрите, точно не узнали? Хотите берите, а нет – я к другим пойду, мне некогда.

СТАРУХА. Да чего же ты, батюшка, так вдруг... что такое?

РАСКОЛЬНИКОВ. Серебряная папиросочница: ведь я говорил прошлый раз.

СТАРУХА. Да чтой-то вы какой бледный? Вот и руки дрожат! Искуपालся, что ль, батюшка?

РАСКОЛЬНИКОВ. Лихорадка. Поневоле станешь бледный... коли есть нечего.

СТАРУХА (взвешивает в руке свёрток). Что такое?

РАСКОЛЬНИКОВ. Вещь... папиросочница... серебряная... посмотрите.

СТАРУХА. Да чтой-то, как будто и не серебряная... Ишь наворотел... (Разворачивает свёрток спиной к Раскольникову.) Да что он тут наворотел!

Раскольников вынимает топор и бьёт обухом Старуху, затем второй, третий раз... Вынимает ключи из кармана убитой и бежит в другую комнату. Мельком замечает огромный киот образов в спальне... Возится с комодом... Возвращается к трупу, срывает с груди кошелек и два креста... Кошелек прячет в карман, кресты бросает на старуху... Возвращается в

спальню, роется в комод, лезет под кровать, находит между тряпьем золотые вещи, рассовывает их по карманам... Оборачивается назад и видит стоящую над трупом Лизавету... Хватает топор и бросается на неё...

Лихорадочно пытается отмыть топор в ведре с водой... Слышит приближающиеся по лестнице шаги. Хватает топор и замирает за дверью. Незнакомец несколько раз звонит в колокольчик, потом начинает с силой дергать дверь.

НЕЗНАКОМЕЦ. Да что они там, дрыхнут или передумали их кто? Тррреклятые! Эй, Алена Ивановна, старая ведьма! Лизавета Ивановна, красота неописанная! Отворяйте! У, треклятые, спят они, что ли? *(С силой дергает ручку.)* Куда бы старухе уйти? Сама мне, ведьма, час назначила. Мне ведь крюк. Да и куда к черту ей шляться, не понимаю? Круглый год сидит ведьма, киснет, ноги болят, а тут вдруг и на гулянье! *(Наклоняется к замочной скважине, замечает ключ внутри.)* Тут что-нибудь да не так... или они обе в обмороке, или... *(Пятится и спешно убегает вниз.)*

Едва шаги Незнакомца стихают, Раскольников стремглав слетает вниз и прячется под лестницу. Под свист городского несколько мужчин устремляются вверх, в старухину комнату... Раскольников вылезает из укрытия, спотыкается о спящего под лестницей человека, роняет какой-то свёрток, втыкает топор в колоду и скрывается... Разбуженный Николашка разворачивает обронённый свёрток и с изумлением обнаруживает золотые серьги... Свистит городской, орут бабы... Раскольников бежит по городу, спотыкается, падает в лужи... и зарывается в кровать...

6. В ПОЛИЦИИ.

Раздаются страшные, отчаянные вопли с улицы. Раскольников спохватывается и начинает вытаскивать из карманов пальто и панталон старухины вещи... Лихорадочно соображает, что с ними делать... Прячет в дырку под обоями... Уничтожает улики преступления: рвёт петлю, отрывает подкладку пальто, окровавленный карман, снимает сапог... Громкий стук в дверь...

ДВОРНИК *(протягивает бумагу)*. Повестка, из конторы.

РАСКОЛЬНИКОВ. Из какой конторы?

ДВОРНИК. В полицию, значит, зовут, в контору. Известно, какая контора.

РАСКОЛЬНИКОВ. В полицию?.. Зачем?..

ДВОРНИК. А мне почём знать. Требуют, и иди.

В полицейском участке полно народу, стоит неописуемый гвалт... Раскольников протягивает повестку Полицейскому.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А в котором часу вам приходиться написано, милостисдарь? Вам пишут в девять, а теперь уже двенадцатый час!

РАСКОЛЬНИКОВ. Мне принесли всего четверть часа назад. И того довольно, что я больной в лихорадке пришел.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не извольте кричать!

РАСКОЛЬНИКОВ. Я и не кричу, а весьма ровно говорю, а это вы на меня кричите; а я студент и кричать на себя не позволю.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Извольте ма-а-а-лчать! Вы в присутствии. Не гр-р-рубиянить, судырь!

РАСКОЛЬНИКОВ. Да и вы в присутствии.

ПОРФИРИЙ. *(Появляется откуда-то сбоку с бумагами в руках)*. Тебе чего?

РАСКОЛЬНИКОВ. Потребовали... по повестке...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это по делу о взыскании с них денег.

ПОРФИРИЙ *(бросает Раскольникову большую канцелярскую тетрадь)*. Вот-с! Прочтите!

РАСКОЛЬНИКОВ *(почти радостно)*. Да я... никому не должен!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это уж не наше дело.

Раскольников пытается сосредоточиться на чтении, но его внимание полностью переключается на разговор Полицейского и Порфирия Петровича.

ПОРФИРИЙ. Быть не может, обоих освободят! Во-первых, все противоречит; судите: зачем им дворника звать, если б это их дело? На себя доносить, что ли? Аль для хитрости? Нет, уж было бы слишком хитро!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Но позвольте, сами уверяют, что стучались и что дверь была заперта, а через три минуты, когда с дворником пришли, выходит, что дверь отперта?

ПОРФИРИЙ. В том и штука: убийца непременно там сидел и заперся на запор; и непременно бы его там накрыли, если бы не Кох сдурил, не отправился сам за дворником. А он именно в этот-то промежуток и успел спуститься по лестнице и прошмыгнуть мимо их как-нибудь.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А убийцу никто и не видал?

ПОРФИРИЙ. Да где ж тут увидеть? Дом - Ноев ковчег.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Дело ясное, дело ясное!

ПОРФИРИЙ. Нет, дело очень неясное... *(Раскольников идет к дверям, но, не доходя, падает.*

Полицейский помогает ему подняться, усаживает на стул. Порфирий Петрович внимательно наблюдает за происходящим.) Что это, вы больны?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Они и как подписывались, так едва пером водили.

ПОРФИРИЙ. А давно вы больны?

РАСКОЛЬНИКОВ. Со вчерашнего...

ПОРФИРИЙ. А вчера со двора выходили?

РАСКОЛЬНИКОВ. Выходил.

ПОРФИРИЙ. Больной?

РАСКОЛЬНИКОВ. Больной.

ПОРФИРИЙ. В котором часу?

РАСКОЛЬНИКОВ. В восьмом часу вечера.

ПОРФИРИЙ. А куда, позвольте спросить?

РАСКОЛЬНИКОВ. По улице.

ПОРФИРИЙ. Коротко и ясно.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Он едва на ногах стоит, а вы...

ПОРФИРИЙ. Ни-че-го!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну-с, хорошо-с, мы вас не задерживаем.

Раскольников выходит и бросается в свой угол. Запускает руку за обои, вытаскивает украденные вещи и нагружает ими карманы... Бежит по городу, разыскивая потайное место... Забегает в глухое место, около ржавого жолоба отодвигает большой неотёсанный камень... Закончив дело, выходит на мост... Вглядывается в темную воду... Рядом с ним появляется высокая женщина в белом, которая тоже долго смотрит на воду, а потом вдруг бросается вниз... Тут же со всех сторон сбегаются зеваки:

- Утопилась! Утопилась!
- Батюшки, да ведь это наша Афросиньюшка!
- Лодку! Лодку!
- До чёртиков допилась, батюшки, до чёртиков!
- Анамнясь удавиться тоже хотела, с веревки сняли.

7. ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Раскольников уходит подальше от шумного места и оказывается рядом с лестницей, ведущей к старухиной комнате... Напряжённо смотрит вверх... Из столбняка его выводит спускающийся вниз Дворник.

ДВОРНИК. Вам чего-с? *(Вместо ответа Раскольников поднимается вверх и звонит в колокольчик: один, второй, третий раз...)* Да что те надо? Кто таков?

РАСКОЛЬНИКОВ. Квартиру хочу нанять, осматриваю.

ДВОРНИК. Фатеру по ночам не нанимают; а к тому же вы должны с дворником прийти.

РАСКОЛЬНИКОВ. Пол-то вымыли; красить будут? Крови-то нет?

ДВОРНИК. Какой крови?

РАСКОЛЬНИКОВ. А старуху-то вот убили с сестрой. Тут целая лужа была.

ДВОРНИК. Да что ты за человек?

РАСКОЛЬНИКОВ. А тебе хочется знать?.. Пойдем в контору, там скажу.

ДВОРНИК. Да вы кто таков?

РАСКОЛЬНИКОВ. Я Родион Романович Раскольников, бывший студент... *(Начинает спускаться вниз.)*

ДВОРНИК. Да зачем в фатеру-то приходили?

РАСКОЛЬНИКОВ. Смотреть.

ДВОРНИК. Чего там смотреть?.. А вот взять да свести в контору?

РАСКОЛЬНИКОВ *(резко обернувшись)*. Пойдем!

ДВОРНИК *(пятясь)*. Да вам чего?.. Ты чего пристал?

РАСКОЛЬНИКОВ *(с усмешкой)*. Струсил в контору-то?

ДВОРНИК. Чего струсил?.. Ты чего пристал?.. Да чего с тобой толковать! Пшол!.. *(Хватает за плечо студента и выталкивает на улицу.)* Чуден человек... А все бы свести в контору...

8. СМЕРТЬ МАРМЕЛАДОВА.

На улице Раскольников оказывается свидетелем печального события. На помосте лежит человек, вокруг него собралась толпа людей. С фонарем в руках мечется над телом кучер.

КУЧЕР. Экой грех! Господи, грех-то какой! Батюшки! Как тут усмотреть! Коли б я гнал али б не кричал ему, а то ехал не поспешно, равномерно. Вижу его, улицу переходит, шатается, чуть не валится, - крикнул одноважды, да в другой, да в третий, да и придержал лошадей; а он прямехонько им под ноги так и пал! Уж нарочно, что ль, он, ал уж очень был нетверез...

РАСКОЛЬНИКОВ. Я его знаю, знаю! Это чиновник, отставной, титулярный советник, Мармеладов! Он здесь живет, через три дома. Я его знаю... Он пьяница... Там у него семейство, жена, дети, дочь одна есть. *(Мармеладова поднимают на руки и несут домой.)* Сюда, сюда! На лестницу надо вверх головой вносить; оборачивайте... вот так! Я заплачу, я поблагодарю...

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Куда ж тут положить?

РАСКОЛЬНИКОВ. На диван! Кладите прямо на диван, вот сюда головой.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Раздавили на улице! Пьяного!

РАСКОЛЬНИКОВ *(появившейся Катерине Ивановне)*. Ради бога, успокойтесь не пугайтесь! Он переходил улицу, его раздавила коляска, не беспокойтесь, он очнется, я велел сюда нести... я у вас был, помните... Он очнется, я заплачу!

МАРМЕЛАДОВА *(бросается к мужу)*. Добился!

РАСКОЛЬНИКОВ. Я послал за доктором. Не беспокойтесь, я заплачу. Нет ли воды?.. И дайте салфетку, полотенце, что-нибудь, поскорее; неизвестно еще, как он ранен... Он ранен, а не убит, будьте уверены... *(Катерина Ивановна хватается за таз, но падает, заливаясь кашлем, держась руками за грудь.)*

МАРМЕЛАДОВА. Поля! Беги к Соне, скорее. Если не застанешь дома, все равно, скажи, что отца лошади раздавили и чтоб она тотчас же шла сюда... Скорей, Поля! На, закройся платком!

(Набрасывается на окружающих.) Хоть бы умереть-то дали спокойно! Что за спектакль нашли! С папиросами! В шляпах войдите еще!.. И то в шляпе один... Вон! К мертвому телу хоть уважение имейте! *(Задыхается в кашле.)* Боже мой! У него вся грудь раздавлена! Крови-то, крови! Надо снять с него все верхнее платье! Повернись немного, Семен Захарович, если можешь.

МАРМЕЛАДОВ *(приходя в себя)*. Священника!

МАРМЕЛАДОВА *(прислоняется лбом к дверному косяку)*. О треклятая жизнь!

МАРМЕЛАДОВ. Священника!

МАРМЕЛАДОВА *(кричит)*. Пошли-и-и!

МАРМЕЛАДОВ *(указывает на босые ноги ребёнка)*. А... а...

МАРМЕЛАДОВА *(кричит)*. Чего еще?

МАРМЕЛАДОВ *(бормочет)*. Босенькая! Босенькая!

МАРМЕЛАДОВА. Молчи-и-и! Сам знаешь, почему босенькая! Ну куда я детей-то дену?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Бог милостив; надейтесь на помощь всевышнего.

МАРМЕЛАДОВА. Э-эх! Милостив, да не до нас!

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Это грех, грех, сударыня.

МАРМЕЛАДОВА. А это не грех? *(Показывает на умирающего.)*

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Простить бы надо в предсмертный час, а это грех, сударыня, таковые чувства большой грех!

МАРМЕЛАДОВА. Слова да слова одни! Простить! Вот он пришел бы сегодня пьяный... *(Кричит на пытающегося что-то сказать мужа.)* Молчи-и-и! Не надо!.. Знаю, что хочешь сказать!..

МАРМЕЛАДОВ *(глядя на появившуюся среди толпы дочь)*. Кто это? Кто это?

МАРМЕЛАДОВА. Лежи! Лежи-и-и!

МАРМЕЛАДОВ. Соня! Дочь! Прости! *(Хочет протянуть к ней руку, но, потеряв опору, срывается и грохается с дивана лицом наземь. Соня подбегает, обнимает отца... Мармеладов умирает у неё на руках.)*

МАРМЕЛАДОВА. Добился своего! Ну, что теперь делать! Чем я похороню его! А чем их-то, их-то завтра чем накормлю? *(Находит в кармане мужа карамельного петушка и замолкает.)*

РАСКОЛЬНИКОВ *(отводит её в сторону)*. Катерина Ивановна, на прошлой неделе ваш покойный муж рассказал мне всю свою жизнь и все обстоятельства... Будьте уверены, что он говорил об вас с восторженным уважением... *(Протягивает деньги.)* Вот тут... двадцать рублей, кажется... я, может быть, еще завтра зайду... Прощайте! *(Выходит из комнаты и сталкивается с Полицейским.)*

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А, это вы?

РАСКОЛЬНИКОВ. Умер.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А как вы, однако ж, кровью замочились.

РАСКОЛЬНИКОВ. Да, замочился... я весь в крови! *(Уходит со странной улыбкой.)*

9. ДУНЯ.

Действие перемещается в комнату Раскольникова. Авдория Романовна Раскольникова что-то страстно пытается доказать брату...

РАСКОЛЬНИКОВ *(кричит)*. Дуня, я давеча Лужину сказал, что его с лестницы спущу, и прогнал его к чёрту.

ДУНЯ. Брат, подумай, что ты говоришь! Ты, может быть, теперь не в состоянии...

РАСКОЛЬНИКОВ. В бреду? Нет... Ты выходишь за Лужина для меня. А я жертвы не принимаю. И потому, к завтраму, напиши письмо... с отказом...

ДУНЯ. Я этого не могу сделать! По какому праву...

РАСКОЛЬНИКОВ. Потому как брат я тебе! Утром дай мне прочесть, и конец!

ДУНЯ *(после огромной паузы)*. Знаешь, Родя, Марфа Петровна умерла... *(Раскольников поднимает на неё глаза, соображая, о ком идёт речь.)* Свидригайлова... Представь себе, скорострительно! Этот ужасный человек, кажется, и был причиной ее смерти. Говорят, он ее ужасно избил.

РАСКОЛЬНИКОВ. Знаю, мать писала.

ДУНЯ. Ужасный человек. Ужаснее я ничего представить не могу.

РАСКОЛЬНИКОВ. Друзьями уведомлен, что Аркадий Иванович Свидригайлов, немедленно после похорон супруги, отправился поспешно в Петербург.

ДУНЯ. В Петербург? Сюда?

РАСКОЛЬНИКОВ. Точно так, и уж, разумеется, не без целей...

ДУНЯ. Господи! Да неужели он и тут не оставит меня в покое?

РАСКОЛЬНИКОВ. Мне кажется, особенно тревожиться нечего, конечно если сама не пожелаешь входить в какие бы то ни было с ним отношения.

ДУНЯ. Это самый развращенный и погибший в пороках человек, из всех подобного рода людей! Здесь жила, да и теперь, кажется, проживает некоторая Ресслих, иностранка и сверх того мелкая процентщица, занимающаяся и другими делами. С этою-то Ресслих господин Свидригайлов находился издавна в некоторых весьма близких и таинственных отношениях. У ней жила дальняя родственница, племянница кажется, глухонемая, девочка лет пятнадцати и даже четырнадцати, которую эта Ресслих беспредельно ненавидела и каждым куском попрекала; даже

бесчеловечно била. Раз она найдена была на чердаке удавившеюся. Присуждено, что от самоубийства. После обыкновенных процедур тем дело и кончилось, но впоследствии явился, однако, донос, что ребенок был... жестоко оскорблен Свидригайловым. Правда, все это было темно... все ограничилось слухом. Но, однако, этот слух был многозначителен. Говорили также об истории с человеком Филиппом, умершим от истязаний, лет шесть назад, еще во время крепостного права... *(Во время рассказа сестры Раскольников нервно прохаживается по комнате, слушая в полуха, мысли его явно заняты другим. В коридоре, за раскрытой дверью трёт пол баба-поломойка, странным образом похожая на убитую Лизавету. Раскольников с грохотом захлопывает дверь.)* РАСКОЛЬНИКОВ. Перестанем о господине Свидригайлове. На меня это наводит тоску... Слышишь, сестра, я не в бреде; твой брак – подлость. Пусть я подлец, а ты не должна... один кто-нибудь... а я хоть и подлец, но такую сестру сестрой считать не буду. Или я, или Лужин! Ступай домой... *(Не даёт сестре ответить.)* До завтра; завтра всё...

10. ПОРФИРИЙ ПЕТРОВИЧ.

Из двери появляется одетый по-домашнему (халат, чистое бельё, стоптанные тапочки) Порфирий Петрович. Он весьма любезно вводит за локоть Раскольникова. Очевидно, разговор начался давно и мы слышим его окончание.

ПОРФИРИЙ. Вещи ваши, Родион Романович, ни в каком случае и не могли пропасть. Обе вещи, кольцо и часы, были у ней под одну бумажку завернуты, а на бумажке ваше имя карандашом четко обозначено. Почти все закладчики теперь уж известны, так что вы только одни и не изволили пожаловать.

РАСКОЛЬНИКОВ. Я не совсем был здоров, уважаемый Порфирий Порфирьевич.

ПОРФИРИЙ. И об этом слышал-с. Слышал даже, что уж очень были чем-то расстроены. Вы и теперь как будто бледны?

РАСКОЛЬНИКОВ *(грубо и зло)*. Совсем не бледен... напротив, совсем здоров! *(Опомнившись.)*

Вы извините, пожалуйста, что мы вас пустяшным таким перебором полчаса беспокоим. Надоели ведь, а?

ПОРФИРИЙ. Помилуйте-с, напротив, на-а-против! Если бы вы знали, как вы меня интересуете! *(Обращается к Полицейскому, что-то записывающему в углу.)* Да дай хоть чаю-то! Горло пересохло! *(Возвращается к Раскольникову.)* Как вы меня интересуете!.. Особенно одна ваша статейка: "О преступлении"... или как там у вас, забыл название, не помню. Два месяца назад имел удовольствие в "Периодической речи" прочесть.

РАСКОЛЬНИКОВ *(весьма удивленно)*. А вы почему узнали, что статья моя? Она буквой подписана.

ПОРФИРИЙ. А случайно, через редактора; я знаком... Весьма заинтересовала... Особенно некоторая мысль, пропущенная в конце статьи... Одним словом, если припомните, проводится некоторый намек на то, что существуют на свете будто бы некоторые такие лица, которые могут... то есть не то что могут, а полное право имеют совершать всякие бесчинства и преступления, и что для них будто бы и закон не писан. *(Раскольников усмехается.)* В статье вашей все люди как-то разделяются на "обыкновенных" и "необыкновенных". Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступить закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные. Не ошибаюсь? *(Полицейский приносит два стакана с чаем, Порфирий с удовольствием берёт один, второй предлагая собеседнику.)*

РАСКОЛЬНИКОВ. Это не совсем так у меня. Впрочем, признаюсь, вы почти верно ее изложили... *(Скрываются за дверьми и появляются вновь.)* ... Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово. И те, и другие имеют совершенно одинаковое право существовать.

ПОРФИРИЙ *(резко перебивает собеседника)*. И-и-и в бога веруете? Извините, что так любопытствую.

РАСКОЛЬНИКОВ *(поднимает глаза на Порфирия)*. Верую...

ПОРФИРИЙ *(также в глаза)*. И-и в воскресение Лазаря веруете?

РАСКОЛЬНИКОВ. Ве-верую. Зачем вам все это?

ПОРФИРИЙ. Буквально веруете?

РАСКОЛЬНИКОВ. Буквально.

ПОРФИРИЙ. Вот как-с... так полюбобытствовал. Извините-с. *(Снова начинает движение по комнате.)*... Ну, по крайней мере с этой стороны, вы меня хоть несколько успокоили; но вот ведь опять беда-с: скажите, пожалуйста, много ли таких людей, которые других-то резать право имеют, "необыкновенных-то" этих?

РАСКОЛЬНИКОВ. О, не беспокойтесь и в этом, вообще людей с новой мыслию, даже чуть-чуть только способных сказать хоть что-нибудь новое, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало... *(Снова исчезают за дверьми, чтобы через мгновение появиться.)*

ПОРФИРИЙ. В этом, стало быть, и главная мысль вашей статьи заключается. Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное...

РАСКОЛЬНИКОВ. В статье всего этого нет, там только намеки... *(Скрываются и появляются вновь.)*

ПОРФИРИЙ. Ведь вот-с... право, не знаю, как бы удачнее выразиться... идея-то уж слишком игривенькая... психологическая-с... Ведь вот-с, когда вы вашу статейку-то сочиняли, вы сами себя не считали, ну хоть на капельку, - тоже человеком "необыкновенным" и говорящим новое слово?

РАСКОЛЬНИКОВ *(презрительно)*. Очень может быть.

ПОРФИРИЙ. А коль так-с, то неужели вы бы сами решились - ну там ввиду житейских каких-нибудь неудач и стеснений или для споспешествования как-нибудь всему человечеству - перешагнуть через препятствие-то?.. Ну, например, убить и ограбить?.. *(Подмигивает и неслышно смеётся.)*

РАСКОЛЬНИКОВ. Позвольте вам заметить, что Магометом или Наполеоном я себя не считаю...

ПОРФИРИЙ. Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ *(до того почти незаметно сидевший в углу и что-то писавший)*. Уж не Наполеон ли какой будущий и нашу Алену Ивановну на прошлой неделе топором уколошил? *(Раскольников бросает взгляд на смеющегося Полицейского, пристально и твёрдо смотрит на Порфирия и начинает собираться.)*

ПОРФИРИЙ *(ласково)*. Вы уж уходите! Очень, очень рад знакомству. А насчет вашей просьбы не имейте и сомнения. Все и устроим... *(Жмёт руку Раскольникову, провожает до дверей и хлопает себя по лбу.)* Родион Романыч! Проходя тогда по лестнице... позвольте: ведь вы в восьмом часу были-с? Так проходя-то в восьмом часу-с, по лестнице-то, не видали ль хоть вы, во втором-то этаже, в квартире-то отворенной - помните? - двух работников или хоть одного из них? Они красили там, не заметили ли? Это очень, очень важно для них!..

РАСКОЛЬНИКОВ *(лихорадочно соображает)*. Красильщиков? Нет, не видал... Нет, не видал, да и квартиры такой, отпертой, что-то не заметил... нет, не помню, чтобы красильщики были... да и квартиры отпертой нигде, кажется, не было. Да; не было... *(Длинная пауза, в которой Раскольников и Порфирий пристально изучают друг друга.)*

ПОЛИЦЕЙСКИЙ *(простоудушно-наигранно)*. Да что же вы, Порфирий Петрович! Да ведь красильщики мазали в самый день убийства, а ведь он за три дня там был? Вы что спрашиваете-то?

ПОРФИРИЙ. Фу! перемешал! *(Хлопает себя по лбу.)* Черт возьми, у меня с этим делом ум за разум заходит! *(Провожает Раскольникова.)*

11. СОН О СТАРУХЕ.

Раскольников подходит к своему двору. Дворник, заметив приближающегося студента, показывает на него Незнакомцу.

ДВОРНИК. Да вот они сами!

РАСКОЛЬНИКОВ *(подходит)*. Что такое? *(Незнакомец исподлобья пристально всматривается в лицо Раскольникова, медленно поворачивается и уходит.)* Да что такое!

ДВОРНИК. Да вот какой-то спрашивал, здесь ли студент живет, вас называл, у кого проживаете. Я показал, а он и пошел. Вишь ведь.

РАСКОЛЬНИКОВ (*догоняет Незнакомца.*) Вы меня спрашивали... у дворника? (*Незнакомец идёт дальше, не отвечая и не поднимая голову.*) Да что вы... приходите спрашивать... и молчите... да что же это такое? (*Хватает того за плечо.*)

НЕЗНАКОМЕЦ (*поднимает глаза.*) Убийвец!

РАСКОЛЬНИКОВ (*похолодев.*) Да что вы... что... кто убийца?

НЕЗНАКОМЕЦ. Ты убийвец. (*Исчезает между многочисленных дверей.*)

Раскольников долго стоит в одиночестве, затем бредёт в свою комнату, ложится на кровать и прячется с головой под одеялом. В изменившемся освещении перед нами проходит его сон...

Незнакомец стоит на другой стороне улицы и машет Родиону рукой... Раскольников приближается... Человек уводит его куда-то всё дальше и дальше, Раскольников покорно идёт за ним, пока не оказывается перед длинной лестницей... потом – в комнате Старухи...

Незнакомец странным образом растворяется о тьме... Раскольников срывает старый салон, и видит сидящую в углу на стуле Старуху... Вынимает из-за пазухи топор и бьёт ту по темени: раз, другой... Старуха не шевелится, точно деревянная... Заглянув ей в лицо, Родион видит, что старая заливается тихим, неслышимым смехом... Соседняя дверь тихо открывается, и оттуда слышен смех и шёпот... В бешенстве Раскольников обрушивает на голову Старухе удар за ударом, но смех за дверью становится всё отчётливей и ближе. А Старуха просто заходится в беззвучном хохоте... Бросаясь вон, Раскольников наталкивается на бесчисленных людей, которые вылезают из дверей и окон...

Собственный громкий крик будит спящего. Раскольников вскакивает и видит перед собой Свидригайлова.

12. СВИДРИГАЙЛОВ.

РАСКОЛЬНИКОВ (*протирая глаза.*) Свидригайлов? Какой вздор! Быть не может!

СВИДРИГАЙЛОВ. Вследствие двух причин к вам зашел: во-первых, лично познакомиться пожелал, во-вторых, мечтаю помочь в одном предприятии, прямо касающемся интереса сестрицы вашей, Авдотьи Романовны... С вашей помощью рассчитываю...

РАСКОЛЬНИКОВ. Плохо рассчитываете.

СВИДРИГАЙЛОВ. Оттого, что в своем доме преследовал беззащитную девицу и "оскорблял ее своими гнусными предложениями", - так ли-с? Тут весь вопрос: изверг ли я или сам жертва?

РАСКОЛЬНИКОВ. Да совсем не в том дело, просто-запросто вы противны, правы ль вы или не правы... гонят вас, и ступайте!..

СВИДРИГАЙЛОВ (*смеётся*). Однако ж вы...

РАСКОЛЬНИКОВ (*грубо*). Жену свою, Марфу-то Петровну, вы тоже, говорят, уходили?

СВИДРИГАЙЛОВ. А вы и об этом слышали? Как, впрочем, не слышать... (*Надолго замолкает.*)

РАСКОЛЬНИКОВ (*ёрничая*). Вы по Марфе Петровне, кажется, очень скучаете?

СВИДРИГАЙЛОВ (*серьёзно*). Я? Может быть. Право, может быть. А кстати, верите вы в привидения?

РАСКОЛЬНИКОВ. В какие привидения?

СВИДРИГАЙЛОВ. В обыкновенные привидения, в какие!

РАСКОЛЬНИКОВ (*посерьёзнев*). А вы верите?

СВИДРИГАЙЛОВ. Да, пожалуй, и нет... То есть не то что нет...

РАСКОЛЬНИКОВ. Являются, что ли?

СВИДРИГАЙЛОВ (*пристально смотрит*). Марфа Петровна посещать изволит.

РАСКОЛЬНИКОВ. Как это посещать изволит?

СВИДРИГАЙЛОВ. Да уж три раза приходила...

РАСКОЛЬНИКОВ. Наяву?

СВИДРИГАЙЛОВ. Совершенно. Все три раза наяву. Придет, поговорит с минутой и уйдет в дверь; всегда в дверь. Даже как будто слышно.

РАСКОЛЬНИКОВ. Отчего я так и думал, что с вами непременно что-нибудь в этом роде случается!

СВИДРИГАЙЛОВ. Во-от? Вы это подумали? Да неужели? Ну, не сказал ли я, что между нами есть какая-то точка общая, а?

РАСКОЛЬНИКОВ. Никогда вы этого не говорили!

СВИДРИГАЙЛОВ. Не говорил?

РАСКОЛЬНИКОВ. Нет!

СВИДРИГАЙЛОВ. Мне показалось, что говорил. Давеча, как я вошел и увидел, что вы с закрытыми глазами лежите, тут же и сказал себе: "Это тот самый и есть!"

РАСКОЛЬНИКОВ. Что это такое: тот самый? Про что вы это?

СВИДРИГАЙЛОВ. Про что? А право, не знаю про что... *(Надолго задумывается.)* Я вас спросил: верите ли вы, что есть привидения?

РАСКОЛЬНИКОВ *(со злобой)*. Нет, ни за что не поверю!

СВИДРИГАЙЛОВ. Нет? Вы так думаете? *(Пристально смотрит на Раскольникова, отчего тот совершенно выходит из себя.)*

РАСКОЛЬНИКОВ. Сделайте же одолжение, я тороплюсь, мне некогда, я хочу со двора идти...

СВИДРИГАЙЛОВ. Извольте, извольте. Ваша сестрица, Авдотья Романовна, за господина Лужина выходит, Петра Петровича?

РАСКОЛЬНИКОВ. Нельзя ли как-нибудь обойти всякий вопрос о моей сестре и не упоминать ее имени? Я даже не понимаю, как вы смеее при мне выговаривать ее имя, если только вы действительно Свидригайлов?

СВИДРИГАЙЛОВ *(смеется)*. Да ведь я же об ней и пришел говорить, как же не упоминать-то?

РАСКОЛЬНИКОВ. Хорошо; говорите, но скорее!

СВИДРИГАЙЛОВ. Открою вам одну психологическую странность. Давеча я, оправдывая свою любовь к Авдотье Романовне, говорил, что был сам жертвой. Ну, так знайте же, что никакой я теперь любви не ощущаю, н-никакой, так что мне самому даже странно это, потому что я ведь действительно нечто ощущал...

РАСКОЛЬНИКОВ *(нербивает)*. От праздности и разврата.

СВИДРИГАЙЛОВ. Действительно, я человек развратный и праздный. А впрочем, ваша сестрица имеет столько преимуществ, что не мог же и я не поддаться некоторому впечатлению.

РАСКОЛЬНИКОВ. Сделайте одолжение: нельзя ли перейти прямо к цели вашего посещения.

СВИДРИГАЙЛОВ. С величайшим удовольствием... Я желаю теперь повидаться с Авдотьей Романовной, через ваше посредство, и попросил бы позволения предложить ей десять тысяч рублей и таким образом облегчить разрыв с господином Лужиным. Авдотье Романовне он не пара.

РАСКОЛЬНИКОВ. Но вы действительно, действительно сумасшедший! Как смеее вы так говорить!

СВИДРИГАЙЛОВ. Я без всяких расчетов предлагаю. Верьте не верьте, а впоследствии узнаете и вы, и Авдотья Романовна. Выходя за господина Лужина, Авдотья Романовна те же самые деньги берет, только с другой стороны... Да вы не сердитесь, Родион Романович, рассудите спокойно и хладнокровно.

РАСКОЛЬНИКОВ. Прошу вас кончить. Во всяком случае, это непростительно дерзко.

СВИДРИГАЙЛОВ. Ведь если б я, например, помер и оставил бы эту сумму сестрице вашей по духовному завещанию, неужели б она и тогда принять отказалась?

РАСКОЛЬНИКОВ. Весьма может быть.

СВИДРИГАЙЛОВ. Ну уж это нет-с. А впрочем, нет, так и нет, так пусть и будет. А только десять тысяч - прекрасная штука, при случае. Во всяком случае, попрошу передать сказанное Авдотье Романовне.

РАСКОЛЬНИКОВ. Нет, не передам.

СВИДРИГАЙЛОВ. В таком случае, Родион Романович, я сам принужден буду добиваться свидания личного.

РАСКОЛЬНИКОВ. А если я передам, вы не будете добиваться свидания личного?

СВИДРИГАЙЛОВ. Не знаю, право, как вам сказать. Видеться один раз я бы очень желал.

РАСКОЛЬНИКОВ. Не надейтесь.

СВИДРИГАЙЛОВ. Жаль. Впрочем, вы меня не знаете. Вот, может, сойдемся поближе.

РАСКОЛЬНИКОВ. Вы думаете, что мы сойдемся поближе?

СВИДРИГАЙЛОВ *(улыбается)*. А почему ж бы и нет? Ну, до свидания... ах, да! Ведь вот что забыл! Передайте, Родион Романович, вашей сестрице, что в завещании Марфы Петровны она упомянута в трех тысячах.

РАСКОЛЬНИКОВ. Вы правду говорите?

СВИДРИГАЙЛОВ. Я редко лгу. *(Скорее исчезает, чем уходит.)*

13. ЕВАНГЕЛИЕ.

Раскольников бредёт по бесконечному корридору-лабиринту... За каждой из открываемых им дверей кипит своя, не слишком веселая жизнь: кричат голодные дети, ссорятся и дерутся люди, раздуются проклятия и пьяный вой... Неожиданно рядом с Родионом появляется выскользнувшая из темноты Соня Мармеладова.

СОНЯ. Кто тут?

РАСКОЛЬНИКОВ. Это я... к вам... *(Входит в комнату, где горит свеча)*

СОНЯ. Это вы! Господи! *(Раскольников настолько долго и бесцеремонно разглядывает комнату, что Соня начинает дрожать в страхе.)*

РАСКОЛЬНИКОВ. Я к вам в последний раз пришел... я, может быть, вас не увижу больше...

СОНЯ. Вы... едете?

РАСКОЛЬНИКОВ. Не знаю... все завтра...

СОНЯ. Так вы не будете завтра у Катерины Ивановны?

РАСКОЛЬНИКОВ *(после паузы)*. Катерина Ивановна ведь вас чуть не била, у отца-то?

СОНЯ. Ах нет, что вы, что вы это, нет!

РАСКОЛЬНИКОВ. Так вы ее любите?

СОНЯ. Ее? Да ка-а-ак же! Ах! вы ее... Если б вы только знали. Ведь она совсем как ребенок...

Била! Да что вы это! Господи, била! А хоть бы и била, так что ж! Вы ничего, ничего не знаете... Это такая несчастная, ах, какая несчастная! И больная... Она справедливости ищет... Она чистая. Она так верит, что во всем справедливость должна быть, и требует... Она справедливая, справедливая...

РАСКОЛЬНИКОВ *(неожиданно и резко пербивает)*. Эту Лизавету торговку вы знали?

СОНЯ. Да... А вы разве знали?

РАСКОЛЬНИКОВ. Она к нам вниз ходила... Ещё... рубаху мне чинила... *(После паузы.)* Катерина Ивановна в чахотке, в злой; она скоро умрет.

СОНЯ. Ох, нет, нет, нет!

РАСКОЛЬНИКОВ. Да ведь это ж лучше, коль умрет.

СОНЯ. Нет, не лучше, не лучше, совсем не лучше!

РАСКОЛЬНИКОВ. А дети-то? Куда ж вы тогда возьмете их, коль не к вам?

СОНЯ. Ох, уж не знаю!

РАСКОЛЬНИКОВ. Ну а коль вы, еще при Катерине Ивановне, теперь, заболеее и вас в больницу свезут, ну что тогда будет?

СОНЯ. Ах, что вы, что вы! Этого-то уж не может быть!

РАСКОЛЬНИКОВ. Как не может быть? Не застрахованы же вы? Тогда что с ними станется? На улицу всею гурьбой пойдут, она будет кашлять и просить, и об стену где-нибудь головой стучать, как сегодня, а дети плакать... А там упадет, в часть свезут, в больницу, умрет, а дети...

СОНЯ. Ох, нет!.. Бог этого не попустит!

РАСКОЛЬНИКОВ. С сестрой вашей, с Полечкой, наверное, то же самое будет.

СОНЯ. Нет! нет! Не может быть, нет! Бог, бог такого ужаса не допустит!..

РАСКОЛЬНИКОВ. Других допускает же.

СОНЯ. Нет, нет! Ее бог защитит, бог!..

РАСКОЛЬНИКОВ. Да, может, и бога-то совсем нет... *(Злорадно смеётся, лицо Сонечки страшно меняется... Вдруг Родион быстро наклоняется и, припав к полу, целует ногу Соне, которая в ужасе отшатывается.)*

СОНЯ. Что вы, что вы это? Передо мной!

РАСКОЛЬНИКОВ. Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился.

СОНЯ. Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница!

РАСКОЛЬНИКОВ. А что ты великая грешница, то это так, а пуще всего, тем ты грешница, что понапрасну умертвила и предала себя. Еще бы это не ужас! Ведь справедливее, тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить!

СОНЯ. А с ними-то что будет?

РАСКОЛЬНИКОВ *(после паузы)*. Так ты очень молишься богу-то, Соня?

СОНЯ. Что ж бы я без бога-то была?

РАСКОЛЬНИКОВ. А тебе бог что за это делает?

СОНЯ (*гневно*). Молчите! Не спрашивайте! Вы не стоите!.. Всё делает!

РАСКОЛЬНИКОВ (*берёт на комодě Новый завет*). Это откуда?

СОНЯ. Мне принесли...

РАСКОЛЬНИКОВ. Кто принес?

СОНЯ. Лизавета принесла, я просила.

РАСКОЛЬНИКОВ (*листая Евангелие*). Где тут про Лазаря? Про воскресение Лазаря где? Найди и прочти мне.

СОНЯ. Разве вы не читали?

РАСКОЛЬНИКОВ. Давно... Когда учился. Читай!

СОНЯ. А в церкви не слыхали?

РАСКОЛЬНИКОВ. Я... не ходил. А ты часто ходишь?

СОНЯ. Н-нет.

РАСКОЛЬНИКОВ (*с усмешкой*). Понимаю... И отца, стало быть, завтра не пойдешь хоронить?

СОНЯ. Пойду. Я и на прошлой неделе была... панихиду служила.

РАСКОЛЬНИКОВ. По ком?

СОНЯ. По Лизавете. Ее топором убили.

РАСКОЛЬНИКОВ (*всё более нервно*). Ты с Лизаветой дружна была?

СОНЯ. Да... Она была справедливая... она приходила... редко... нельзя было. Мы с ней читали и... говорили. Она бога узрит... (*Большая пауза.*)

РАСКОЛЬНИКОВ (*резко*). Читай!

СОНЯ. Зачем вам? Ведь вы не веруете?..

РАСКОЛЬНИКОВ. Читай! Я так хочу! читала же Лизавете!

Соня разворачивает книгу, отыскивает место. Руки её дрожат. Два раза начинает она и всё не выговаривает первого слога. Наконец, голос прорывается и звучит, как натянутая струна. Едва Соня произносит "Был же болен некто Лазарь, из Вифании...", огромный город начинает бесноваться, как чудовищный потревоженный улей: горланят пьяные мужики, орут на детей бабы, беснуются полоумные, кликушествуют блаженные, свистят городовые, рубит дрова Дворник, точит ножи Точильщик... Голосок Сони едва слышен в этом рёве, но он крепнет и крепнет...

СОНЯ. "И многие из иудеев пришли к Марфе и Марии утешать их в печали о брате их. Марфа, услыша, что идет Иисус, пошла навстречу ему; Мария же сидела дома. Тогда Марфа сказала Иисусу: господи! если бы ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего ты попросишь у бога, даст тебе бог... Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий верующий в меня не умрет вовек. Веришь ли сему? Она говорит ему: Так, господи! Я верую, что ты Христос, сын божий, грядущий в мир. Мария же, пришедши туда, где был Иисус, и увидев его, пала к ногам его; и сказала ему: господи! если бы ты был здесь, не умер бы брат мой. Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, сам восскорбел духом и возмущился. И сказал: где вы положили его? Говорят ему: господи! поди и посмотри. Иисус прослезился. Тогда иудеи говорили: смотри, как он любил его. А некоторые из них сказали: не мог ли сей, отверзший очи слепому, сделать, чтоб и этот не умер? Иисус же, опять скорбя внутренно, проходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего Марфа говорит ему: господи! уже смердит; ибо четыре дни, как он во гробе. Иисус говорит ей: не сказал ли я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу божью? Итак, отняли камень от пещеры, где

лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: отче, благодарю тебя, что ты услышал меня. Я и знал, что ты всегда услышишь меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что ты послал меня. Сказав сие, воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами; и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его; пусть идет. Тогда многие из иудеев, пришедших к Марии и видевших, что отворил Иисус, уверовали в него". (Соня закрывает книгу и быстро встает со стула.) Все об воскресении Лазаря.

Стихает беснующийся город...

РАСКОЛЬНИКОВ. Я о деле пришел говорить... Я сегодня родных бросил, мать и сестру. Я не пойду к ним теперь. Я там все разорвал... У меня теперь одна ты... Пойдем вместе... Я пришел к тебе. Мы вместе прокляты, вместе и пойдем!

СОНЯ. Куда идти?

РАСКОЛЬНИКОВ. Почему ж я знаю? Знаю только, что по одной дороге, наверно знаю, - и только. Одна цель!

СОНЯ. Не понимаю...

РАСКОЛЬНИКОВ. Потом поймешь. Разве ты не то же сделала? Ты тоже переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... свою... Ты могла бы жить духом и разумом, а кончишь на Сенной... Но ты выдержать не можешь, и если останешься одна, сойдешь с ума, как и я. Ты уж и теперь как помешанная; стало быть, нам вместе идти, по одной дороге! Пойдем!

СОНЯ. Зачем? Зачем вы это!

РАСКОЛЬНИКОВ. Зачем? Потому что так нельзя оставаться - вот зачем! Надо же, наконец, рассудить серьезно и прямо, а не подетски плакать и кричать, что бог не допустит!

СОНЯ. Что же, что же делать?

РАСКОЛЬНИКОВ. Что делать? Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! Что? Не понимаешь? После поймешь... Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель! Помни это! Это мое тебе напутствие! Может, я с тобой в последний раз говорю. Если не приду завтра, услышишь про все сама, и тогда припомни эти теперешние слова. И когда-нибудь, потом, через годы, с жизнью, может, и поймешь, что они значили. Если же приду завтра, то скажу тебе, кто убил Лизавету. Прощай!

СОНЯ (*леденя от ужаса*). Да разве вы знаете, кто убил?

РАСКОЛЬНИКОВ. Знаю и скажу... Тебе, одной тебе! Я тебя выбрал. Я не прощения приду просить к тебе, я просто скажу. Я тебя давно выбрал, чтоб это сказать тебе, еще тогда, когда отец про тебя говорил и когда Лизавета была жива, я это подумал. Прощай. Руки не давай. Завтра!

Раскольников уходит, оставляя Соню в ужасных чувствах. В соседней комнате становится различим подслушивавший разговор Свидригайлов.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ.

14. ДОПРОС.

Высвечивается рабочий кабинет Порфирия Петровича. На этот раз он одет в служебную форму. Допрос уже достиг высокого эмоционального накала. Видно, что следователь основательно вывел из себя подозреваемого.

ПОРФИРИЙ (*издевательски*). Да что это вы так побледнели, Родион Романович, не душно ли вам, не растворить ли окошечко?

РАСКОЛЬНИКОВ. О, не беспокойтесь, пожалуйста... пожалуйста, не беспокойтесь! (*Неожиданно хохочет, вслед за ним смеется следователь.*) Порфирий Петрович! Я, наконец, вижу ясно, что вы положительно подозреваете меня в убийстве этой старухи и ее сестры Лизаветы. Если находите,

что имеете право меня законно преследовать, то преследуйте; арестовать, то арестуйте. Но смеяться себе в глаза и мучить себя я не позволю. *(Начинает кричать и бьёт кулаком по столу.)* Не позволю-с! Слышите вы это, Порфирий Петрович? Не позволю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Для получения полного текста – связывайтесь с автором инсценировки:

Тимофей Ильевский
Телефон: +375 33 698 99 55
ilyeuski@mail.ru
ilyeuski@gmail.com
ivan-krepostnoi@rambler.ru